

А. Ерохов

Творца

Всего

и

Смвем

Течена

Александр Ерохов

Теория Всего и Ответ Гегеля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570227

ISBN 9785449353788

Аннотация

Рассматриваются проблемы соотношения современной физической теории и философии Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831). Показано, что, вопреки традиционно негативным оценкам вклада Гегеля в естествознание, гегелевская система не только не противоречит последним экспериментальным и теоретическим научным выводам, но и является единственной на сегодня метатеорией, наиболее адекватно отражающей весь комплекс знаний, сложившийся на исходе XX века.

Содержание

Введение	7
Философия Гегеля	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Теория Всего и Ответ Гегеля

Александр Ерохов

Корректор Валентина Корионова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Александр Ерохов, 2018

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5378-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

The Theory of All and Hegel's Response.

Relations between the contemporary theory of physics and the philosophy of G. W. F. Hegel (1770—1831) are discussed. It is showed that contrary to the traditional negative assessment of Hegel's contribution to natural science, his system does not contradict the latest experimental and theoretical scientific data and is even the only presently available metatheory which reflects the entirety of knowledge acquired by the late 20th century in the best possible way. The possibility is discussed to check experimentally a new idea of the dynamics of reality offered

by Hegel's philosophy.

Theorie von Allem und Hegels Antwort.

Behandelt werden Probleme der Wechselbeziehungen zwischen der modernen physikalischen Theorie und der Philosophie von G. W. F. Hegel (1770—1831). Es wurde gezeigt, dass das Hegelsche System trotz traditionell negativer Einschätzungen Hegels Beitrags zur Naturwissenschaft nicht nur den neuesten experimentellen und theoretischen Schlussfolgerungen nicht widerspricht, sondern auch die einzige Metatheorie heutzutage ist, die den ganzen Komplex der sich gegen Ende des 20. Jahrhunderts gebildeten Kenntnisse widerspiegelt. Behandelt wird die Möglichkeit einer experimentellen Prüfung der neuen Ansicht über die Dynamik der Realität im Rahmen des Hegelschen Herangehens.

A
Ω

Введение

В феврале 1950 года Эрвин Шрёдингер, один из отцов-основателей квантовой механики, прочёл в Дублине несколько публичных лекций. Развитие науки первой половины XX века, утверждал он, привело к радикальным изменениям в мировоззрении западного человека. Однако «...пройдет ещё пятьдесят лет или около того, прежде чем образованная часть широкой общественности узнает об этих изменениях» [30, 16]. И вот сегодня мы переживаем как раз те времена, о которых говорил Шрёдингер в своих лекциях. Но пророк ли он? Действительно ли те, кого он величал «образованной частью широкой общественности», отчетливо осознают всю значимость этого переворота в научном видении мира? Увы, следует признать – нет, не видят и не осознают. Более того, всё острее и болезненнее «образованная часть широкой общественности» ощущает кризис науки как таковой, отчаянность «образованной части широкой общественности» в собственных умственных возможностях приводит к утверждению положения о конце науки, о завершении исторического существования этого метода познания. Болезненный нарыв самоощущения упадка «образованной части широкой общественности», который возник отнюдь не сегодня и даже не вчера, можно определить как очередной рецидив того, что Гегель определял как «несчастное созна-

ние». Это невыносимые муки субъекта из-за невозможности найти точки соприкосновения между реальностью и собственным пониманием этой реальности – проявления реальности сопротивляются пониманию, но и понимание сопротивляется проявлениям реальности. Несчастное сознание как острое духовное переживание проявляло себя в истории не раз. Свидетельства этого мы находим и в Древнем Египте, и в скептицизме поздней античности, и в близких к нам по времени мазохистских фантазмах Кьёркегора и Ницше. В русской духовности одним из ярчайших всплесков несчастного сознания, воспроизведённым позднее Достоевским в трагедии Алёши Карамазова, был кристально чистый в своей наивности вопль Белинского о неприятии им действительности в период его бунта против гегелевского «всё действительное разумно, и всё разумное действительно». Бунта столь же искреннего и страстного, сколь искренним и страстным было его поклонение Гегелю незадолго перед этим бунтом. В этом вся русскость природы Белинского – размахистость в действиях при полнейшем непонимании сути основополагающего определения Гегеля ни до разрыва с гегельянством, ни после оногo. Сегодня уже нет таких ярких и искренних проявлений, но вялое разрастание болезненного нарыва несчастного сознания, когда уже не осталось ничего, что было бы оберегаемо ореолом святости, достигло своей наивысшей точки напряжения. Этот нарыв или должен прорваться новым пониманием мира, или, оставаясь

в глубине человеческого организма, метастазируя в разных направлениях, привести к глобальной катастрофе, к гибели человека. Детские страхи по поводу катастрофы, ожидаемой извне человеческой духовности в виде кошмарных заморозков, наводнений, взбесившихся комет и прочего из этого ряда, ничто в сравнении с реальными угрозами внутреннего разложения, обнаруживающего себя повсеместно гнойниками несчастного сознания.

Корни несчастного сознания, по всей видимости, залегают значительно глубже в естестве человека, чем это представлялось даже гегелевскому взгляду в его определении этого феномена. В качестве иллюстрации проявления несчастного сознания Гегель анализирует исторические метаморфозы философии античности. Наивысший накал «несчастья» он показывает в переходе от стоицизма к скептицизму. Стоицизм – стихия свободной мысли, *равнодушная* к проявлениям внешней действительности, стоицизм взирает на действительность как на пустое многообразие форм, как на игру случайного, недостойного внимания мысли, которая всецело погружена в себя и поглощена собой. И только в скептицизме мысль обращается к внешней действительности и пытается найти в ней неслучайное, истинное. Но эта пытливая настойчивость не приводит к положительному результату – всё, к чему обращается мысль во внешней действительности, расплавляется в пламени противоречий, исчезает, становится неустойчивым и представ-

ляется всего лишь мнимым, зависимым от внутренних установок исследователя. В этой непреодолимости внешности мучительное несчастье скептицизма, «несчастное сознание есть сознание себя как двойной, лишь противоречивой сущности» [5, 112]. Преодоление, снятие этих раздирающих мысль противоречий достигается только в признании единства мысли и внешней действительности, в этом признании самосознание, «...уверенное в самом себе, успокоилось...», так как «...его мышление непосредственно само есть действительность...» [5, 124]. Сегодняшняя интеллектуальная атмосфера, всё ещё парализованная кантианством, убеждённостью в невозможности достижения истинного знания, вновь переживает состояние несчастного сознания. Успокоилось самосознание только в личности самого Гегеля. Ирония ситуации заключается в том, что Гегель так и остался непонятым, а потому и несчастное сознание до сего дня властвует над мыслью повсеместно, оно по-прежнему зияет пропастью противоречия между мыслью и действительностью. Самоотверженная попытка Гегеля вырвать мышление из тисков этой несчастности не увенчалась успехом. Его мировидение опередило его время. С глубочайшей горестью он сам признавал это. Восторженная тональность начала его академической деятельности в конце концов выливается в усталую опустошённость разочарования незадолго до смерти.

«Что мы не знаем истины и что нам дано знать одни случайные и преходящие, то есть *ничтожные*, явления – вот то

ничтожное учение, которое производило и производит наибольший шум и которое господствует теперь в философии (повторим, что это ничтожное учение – кантианство – в разных вариациях господствует и сейчас) ... Это воззрение... находится в разительном противоречии со здоровым, вновь возникшим субстанциональным духом нашего времени. За рю этого нового здорового духа я приветствую и призываю» [7, 82—83] – при открытии лекционных чтений в Берлине 22 октября 1818 года. И «...недавно могло казаться, что... начнётся более серьёзное научное исследование вопросов о боге, божественных предметах и разуме. Но уже начало движения показало тщетность надежд, ибо поводом для движения служило *личное*,... (движение это не поднялось) ...на высоту самой *сути* дела...» [7, 74] – в предисловии к очередному изданию «Энциклопедии философских наук» 19 сентября 1830 года.

По свидетельству Д. Уиллера, Курт Гедель всерьёз полагал, что ключ к истинному знанию, Ответу на все противоречия, может быть найден где-то в рукописях Лейбница, еще не разобранных исследователями, и необходимо только понять, как мыслил Лейбниц, для того чтобы это открылось и нам [25, 137]. Может быть... Может быть, Гедель ошибся только в имени автора Ответа. Думается, что так оно и есть, и имя этого старика не Лейбниц, а Гегель, и нет необходимости тщательно выискивать этот Ответ в каких-то неизвестных и неопубликованных бумагах Гегеля. Искомый Ответ –

целостная система гегелевской философии без всяких изменений и прикрас, та гегелевская философия, адекватное понимание смысла которой уже давным-давно затерто в скучнейших академических схемах университетского образования. Только адекватное понимание гегелевской философии, как бы высокопарно это ни звучало, только тщательное воспроизведение философского акта Гегеля может быть той путеводной нитью, которая способна привести сознание к выходу из состояния «несчастья». Мы вынуждены обернуться на два столетия назад и признать, что последние достижения мысли в науке – разработка теории квантовой физики прежде всего – возвращают нам абсолютный идеализм Гегеля как единственную возможность дальнейшего продвижения вперёд на пути познания сущности мира и самих себя. Мы просто на время сбились с пути. Александр Кожев в своём парижском псевдогегельянстве иногда прозревал, утверждая, что будущее состояние мира, смысл настоящего и прошлого будут зависеть от итогового анализа современных интерпретаций работ Гегеля. Воистину так.

Философия Гегеля

Рассматривая послегегелевское поле философской мысли, мы вынуждены будем признать, что это поле фактически является гегелевским полем – ни один из тех, кто хоть как-то пытался проявить себя в философии, не мог обойти гегелевскую мысль стороной. Гегель, если пользоваться исторической терминологией К. Ясперса, та ось, вокруг которой выстраивается всё содержание западной философской традиции. И после ухода своего основателя всесокрушающая мощь гегельянства без особых на то усилий перемалывает всех, кто решился испытать себя на этом поле. Впрочем, тех, кто признаёт себя только лишь благодарным исследователем колоссального здания, воздвигнутого Гегелем, и ставит перед собой единственную задачу – наиболее точное донесение гегелевской мысли обществу, не так уж и много. Большинство философствующих пропитываются живительными соками гегельянства против своей воли, зачастую даже не осознавая этого. Громко сопротивляясь и проклиная тотальность гегелевской логики, едко насмехаясь над его пруссачеством, они тем не менее осознанно или бессознательно втягиваются в лоно гегельянства, подобно кроликам, замороженным взглядом всё ещё живых глаз уже неподвижного удава. По меткому замечанию Мишеля Фуко, «будь то средствами логики или эпистемологии, будь то через Маркса или

Ницше, но вся наша эпоха пытается выпутаться из Гегеля»¹. Изначальные истоки такого противления показаны Ильиным в его замечательной (но, увы, так и не удавшейся) попытке «восстановить природу философского акта, осуществленно-го Гегелем». «Воспитанный на формальной мысли теоретик, читая Гегеля, будет испытывать необычайно тягостное ощущение того, что максимальное напряжение его души, стремящееся к пониманию читаемого, остаётся бесплодным или почти безрезультатным. Перед ним скоро станет дилемма, по которой или читаемое лишено смысла, или сам читатель лишён дара к философии, и вся попытка в лучшем случае закончится недоумением и отказом от дальнейшего ознакомления» [14, 51]. Естественно, что в подавляющем большинстве дилемма разрешалась убеждённо в бессмысленности читаемого. Сколь многие, вгрызаясь в гегелевские тексты, в конце концов отбрасывали их от себя, проникаясь внутренним убеждением в их абсолютной бесполезности и абсолютном самомнении авторского графоманства. Мнительность, раздражение нетерпеливых. Гегель требует *много-летнего* вдумчивого труда, самоотречения и сосредоточенности – только после этой жертвы, терпеливой преданности познанию он открывает свои богатства. Немногие способны на такую жертвенность. Интересы собственного са-

¹ Впрочем, перефразируя Ильина, сказавшего по поводу возрождения гегельянства во Франции: «Оно возрождается, и притом именно не во Франции, где ему предстоит ещё только зародиться», можно заметить, что сложно выпутаться из того, во что и *не* впутывался.

моутверждения, а то и просто выживания, скоро отвлекают от подвижничества². Впрочем... Впрочем, если бы только недостаток усердия и преданности делу был единственной причиной почти непреодолимых для большинства трудностей понимания гегелевских текстов, то это было бы полбеды. Настоящая, глубинная причина скрывается в другом, в том, что касается естества человека, в том, что, собственно, и делает человека человеком – в способе его мышления. Этот способ мышления Гегель называет рассудочным в противоположность высшей ступени – спекулятивному способу мышления. Вырваться за рамки рассудка и осознать себя как спекулятивное мышление – значит по существу преодолеть в себе человеческое, возвыситься до точки зрения единого. Это *новое эволюционное качество*, сравнимое по своему значению с переходом от животного к человеку. Здесь мы вынуждены вернуться к рассмотрению старой проблемы, к вопросу о том, а что же, собственно, есть человек, когда человек стал человеком и что является той гранью, которая отделила нас от животного состояния.

Антропология рассматривает человека как биологический вид. Дарвиновская теория, окончательно утвердившаяся сейчас в науке, выводит человека от общего предка – обезьяны. Очевидно, что в своём телесном обликии мы род-

² Кьёркегор признаётся в том, что *не понимает* Гегеля. Кто виноват? Конечно же, Гегель – «жалкий профессориска, которому привиделось, будто он открыл всеобщую необходимость...».

ственны, увы, не только обезьянам, но, извините, и тараканам, и комарам, и птицам, и грибам, и даже лопухам. Все мы обладаем отдельным телом и органами чувств, которые позволяют нам отделять себя от внешнего мира и сохранять свою индивидуальность на протяжении некоторого, весьма непродолжительного, временного периода. Этот взгляд на самих себя неизбежно постулирует положение о том, что человек как биологический вид всего лишь наиболее развитый и гибкий организм из всех известных нам сейчас организмов, выработавший в себе способность максимально эффективной реакции на внешние воздействия. Все те антропологические признаки, которые выделяют человека из животного мира и помещают его на верхнюю ступень эволюции, говорят больше о нашей близости к животному и растительному мирам, нежели о нашем превосходстве над ними. Прямохождение? Тогда чем прямохождение курицы отличается от нашего прямохождения? Высокое развитие мозга? Но все позвоночные имеют мозг, который по внешним характеристикам мало чем отличается от нашего, а в некоторых случаях и превосходит его... Членораздельная речь? Но нам известны у животных не менее изощренные знаковые системы, чем человеческая речь... Общественность? Но некоторые сообщества муравьёв значительно превосходят человеческие сообщества по уровню сплоченности и осмысленности взаимодействия друг с другом... И наконец, мышление. Вот здесь, пожалуй, следует оста-

новиться и более внимательно посмотреть на существо дела. Без четкого определения того, что есть мышление, мы не сможем выяснить, действительно ли этот признак кардинальным образом выделяет нас из мира животных. Что это? Одна из многих способностей, наряду с другими, со способностью использовать знаковые системы например, которая свойственна не только человеку, но, в меньшей степени развитости, и всем другим организмам? Или это нечто, чем обладает *только и исключительно*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.